

Ростислав Зазульский
В ИЮЛЕ, ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ



18+

Ростислав Зазульский

В июле, через пятнадцать лет

<https://litres.ru/74602172>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сквозь миллионы световых лет сеются по Вселенной частицы памяти от всех, кто был здесь и кто ещё жив. Но найдут ли друг друга близнецы из разных миров? Там, где добро всё же теснит зло, где встаёт из океана голубая звезда Осирис и лежат в золе черепа черноруких, где летят над рекой зимородки на Земле, отмеченной крестом распятия, где крутит ветер красный пепел ядерной войны в пустых глазницах сфинкса, где всегда есть надежда... где любовь побеждает... где плывёт одинокий корабль во тьме космоса к далёким берегам зелёной планеты, чтобы вопреки всему случился контакт...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЗЕМЛЯ НЕБА	4
Сад Рыжей Звезды	4
Красная планета	8
Расплавленный вечер в июле	13
Евангелие от Ионы или Земляника в густой траве	17
Бесконечное озеро	24
Возвращение домой	30
Аммонитовый атолл или Святые планеты Земля	37
Вечный воин	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ростислав Зазульский

В июле, через пятнадцать лет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЗЕМЛЯ НЕБА

Сад Рыжей Звезды

1

Иисус преломил хлеб. Иона взял протянутый кусок, молча прожевал, но, не в силах выдержать возникшего молчания и доброго взгляда Учителя, выскочил на улицу.

Иерусалим спал, погасив огни, укрывшись одеялом ночного тумана. Закат на западе тускло горел голубым. Иона спрятался в переулке, уставленном телегами торговцев. Вокруг не было ни души. Присев на корточки, он пересчитал монеты в кожаной мошине. Совесть жгла нутро, дрожали руки. Он отдышался, вытер рукавом выступившую на лбу испарину, на секунду замер, а потом решительно закинул мошину с деньгами в ближайшую телегу, вскочил и побежал обратно.

Распахнув дверь, он бросился в ноги Иисусу.

– Прости меня, Учитель! Я хотел предать тебя за тридцать монет первосвященника Иерусалима! Тебе грозит опасность! Сегодня ночью тебя поймают – но мы не пойдем туда! Быстрее, скроемся в пустыне за городом!

– Не бойся, Иона, – голос учителя был по-прежнему спокоен и мягок. – Мы пойдём туда, в сад Рыжей Звезды, и там случится то, чему суждено быть...

Когда Иисус с учениками вышли в ночь, редкие облака уже рассеялись, и небосвод был наполнен мигающим светом крупных звёзд.

– Почему это место зовут садом Рыжей Звезды? – сонно спросил Лев.

Михаил откинул кудри с лица, поднял голову.

– Говорят, что если в полночь встать у самой древней оливы и посмотреть на восток, лучше всего видна Рыжая Звезда – она горит в развилке старого ствола. Старики-звездочёты, волхвы и пророки видят в ней источник жизни. Они зовут её «ночным Солнцем»...

– Это правда, Учитель?

– Помолитесь со мной, друзья, пусть в грядущий день Отец подаст нам то, что нам нужно.

Лев, Михаил и Иона встали на колени рядом с Иисусом. С тонких листьев оливы тихо падали тягучие капли ночной росы, как будто расплавленное время, начавшись секундой где-то вверху, уходило в землю – безвозвратно, навечно.

Вдали среди листвы показались отблески горящих факелов.

– Это они, Учитель, это они! Бежим! – Иона первым вскочил на ноги.

Факельщики приблизились – несколько солдат в доспехах и казначей иерусалимского храма.

– Кто из вас Иисус?

– Я! Это я! – Иона сделал шаг, раскрыв руки, словно пытаясь спрятать за собой Учителя и друзей.

– Ты совсем обезумел от денег, что я дал тебе вчера? – ухмыльнулся казначей.

Иона осёкся. Иисус положил ему руку на плечо и выступил вперёд.

– Зачем вы ищете меня?

И снова наступила тишина, где только капли времени сочлились росой из пробитого ветвями олив воздуха, словно кровь этой таинственной ночи. Внезапно порыв ветра налетел на притихший сад, зашумел листвой древних деревьев, окативших дождём зябнувших людей под взошедшей Рыжей Звездой. И что-то в эту секунду сошлось, соединилось и изменилось во всех них. Казначей и солдаты упали на колени.

– Прости нас, сын человеческий! Мы не знаем, кто ты, но мы пойдём за тобой, чтобы ты научил нас своему пути и истине.

– Встаньте, друзья! – Иисус подошёл к каждому из солдат, мягко поднял с колен и обнял. Долго смотрел в глаза свя-

ценника-казначей. — Мы вернёмся в этот город, когда придёт его час, а теперь мы уйдём прочь, мы будем искать тех, кто хочет жить по воле моего Отца.

Первые лучи разрезали туман в саду. На востоке от края до края поднималось голубое Солнце, переливаясь радугой мерцающих протуберанцев.

Красная планета

1

Он проснулся в четыре утра. Последний год ему снился один и тот же сон, после которого он долго смотрел в окно, положив руку под голову. Когда стихала аритмия, Виктор шёл на кухню, пил воду и ложился обратно, но сон больше не приходил, и до звонка будильника был только ватный провал, пустота... «Надо увеличить дозу бета-блокаторов» – подумалось опять. По ночам сердце работало с перебоями, то ли от крепкого чая и сигарет, то ли от нервотрёпки на работе. После сна оставалось едва уловимое чувство какого-то радостного беспокойства, и, засыпая поздно вечером, Виктор ждал с надеждой – будет ли в этот раз...

...От старого деревянного дома он шёл к опушке через лес. Дом был странный – высокий, как древнерусский храм с потолком под облаками, с такими же высокими дверьми и окнами, словно из страны великанов. Лес тоже тянулся к небу, похожие на секвойи исполинские дубы и липы смыкались вверху изумрудным куполом, а закатное солнце голубыми пальцами-лучами перебирало мачты стволов. Дорога всегда выходила к обрыву, исчезая в высокой зелёной прямой траве. Внизу текла прозрачная, в жёлтых кувшинках речка, извилистая, закрученная бурунчиками водоворотов, бесконечно перебирающая длинные волосы рдеста. В воде стояли

рыбы. Обычно это были крупные, прямые как торпеды зеленоватые щуки, зависшие в хрустале реки, замершие в вечном ожидании – или покое?

На берегу его встречали друзья – он знал, что это друзья – светловолосый стройный парень и кареглазая девушка. Они улыбались, смотрели из-под руки на закат, на пёстрый луг на той стороне. Ему хотелось зачерпнуть немного прохладной воды в ладонь, умыть лицо, но в этот момент он обычно просыпался.

2

Светало. Он стоял у окна. Пятнадцать лет назад... какой был год – девяносто пятый? – всё было так же: пустая улица, туман, лес напротив... Не было только нового дома у дороги, а внизу темнел глыбой Камаз-автопоезд местного трудяги-дальнобойщика... А его как раз давно уже и нет...

До сих пор он помнил тот вечер в июле, тусклый жёлтый свет лампы под потолком в гараже у Женьки Николаева, где посередине на центральной подставке стояла красная «Иж Планета-пять», которую тот выпросил у отчима за хорошее окончание учебного года, «на вырост».

– Дедов четыреста двенадцатый продали, скоро отчим шестёрку купит. Тогда уж не посидим тут так...

Они пили с Женькой пиво из бутылок, курили тайком от сторожа гаражного кооператива. Вместе с Женькой и Виктором на стопке старых покрышек от Москвича сидела Танюха из третьего подъезда. Непонятно было, кем она должна была

бы приходиться ребятам, это оставалось недосказанным уже полгода, но рядом с ней хотелось казаться взрослее и смелее. Витя не любил пиво, но надо было пить – ради Танюхи. В воздухе стоял туман из смеси сигаретного дыма и сгоревшего масла от постоянно заводимой «Иж Планеты».

– Поехали кататься на кольцо. Там сейчас пусто, – Женька поднялся с брошенного на пол бушлата, поприседал, разминая ноги.

– Ладно, чуваки, я пошла, я матери обещала в десять дома быть.

– Едем, Витёк?

Ехать совершенно не хотелось, но Танюха еще не ушла.

– Ну, давай, только быстро – до Тёплого и обратно.

Женька выкатил мотоцикл, завёл с рокочущим гулким звуком выхлопа, который так нравился Вите. Горела зелёная лампочка нейтрали.

– Только свет включать не буду, а то сторож спалит.

Они разогнались по щебёнке между рядов гаражей, и, пригнувшись, проскочили под шлагбаумом. Женька включил дальний свет.

На МКАДе почти не было машин. Женька пристроился в левый ряд. Ветер выбивал слёзы из глаз и трепал волосы, проносились мимо тусклые красные габаритные огни редких автомобилей и фур. Долгий ремонт кольца здесь был закончен – слева мелькали блоки отбойника, но фонари пока не горели. Настырный оранжевый Запорожец впереди занял

ряд, и уступать не собирался. Погудев сигналом, Женька лихо ушёл на скорости вправо на обгон, мимо черной горы Камаза-рефрижератора в соседней полосе, еще правее... И газу! Вибрация раскрученного мотора дошла до сердца Витьки. Горячее дизельное дыхание фуры ударило в лицо совсем близко, и какая-то иная сила начала тянуть Планету под Камаз, туда, в зону разряжения, вниз под темную балку меж огромных колёс... Женька дёрнул рулём, пытаясь вернуться левее, сыграло переднее колесо, мотоцикл качнуло с боку на бок.

– Тормози! Тормози, Жека!

Планета завалилась, заскользила по асфальту, высекая выхлопной трубой искры. Замелькали небо и земля, Витька полетел-покатился кувырком, стирая кожу на коленях, локтях, ладонях, голове, он ждал боли, но её всё не было и казалось, этот полёт бесконечен, пока, наконец, он не врезался в разделительный отбойник и не потерял сознание.

Потом он помнил свет внутри Скорой, лица врачей, было странно, что он ещё жив, что всё ещё продолжается...

3

Сегодня была... какая?.. пятнадцатая годовщина выписки из больницы. Тогда он тоже проснулся рано, пытался понять, где он, и когда с облегчением вспомнил – где, долго смотрел на бегущие облака и никак не мог поверить, что нет больше Женьки Николаева. А сегодня он опять увидел этот сон, и дом, и лес, и речку, и рыб, и парня с девушкой на за-

кате, и снова хотелось пить, но не получалось, и от натуги он проснулся. Сейчас он пил кипячённую воду из чайника и курил сигарету.

Расплавленный вечер в июле

1

Виктору было тридцать лет. По понедельникам они с заведующим делали обход отделения.

На полу, на бежевом кафеле туалета, прислонившись к стене, в дырявой пижаме сидел Ромочка. От густого сигаретного дыма слезились глаза.

– Что ж он у тебя окурки ест, а? Мало ты ему даёшь!

В первой палате молодой парень в очках в позе провинившегося ученика стоял у аккуратно застеленной кровати.

– Фёдор Иванович, переведите меня в другую палату!

– Не могу пока, извини, через три дня переведу.

– Да за три дня я тут с ними с ума сойду!

– Ну а что ж ты голым бегал по Ярославскому вокзалу? Забыл?

– Не помню, Фёдор Иванович, не помню!

– Ну, вот, вспоминай пока и лечись. А вот этому, – заведующий показал на плотного лысого мужика, напряжённо смотревшего исподлобья на врачей, – давать всё только в процедурке, старшая сказала, вчера он циклодола опять нажрался. Копит, зараза, под матрасом, а потом сразу горсть глотает, кайфует!

Они шли мимо процедурной. Остро пахло галоперидолом.

– Инопланетянин, инопланетянин! – заполошный малый, опрокинув в себя стаканчик с лекарством, теперь внимательно следил за Виктором, а когда тот прошёл рядом с ним, застыл, как регулировщик движения, смотря вдаль и указывая руками в пустоту. Медсестра опустила ему руки, и он обмяк, словно тряпичная кукла, сел на корточки на пол, завернувшись в выцветшую пижаму.

Вот и ординаторская.

– Поступление!

– Пусть заходит.

– Лимонов Александр Артурович. Приятно познакомиться.

– Виктор Дмитриевич. Расскажите, как вы здесь оказались.

Седовласый худой человек молча показал пальцем вверх.

– Сами понимаете...

– Понимаю. И всё же?

Александр Артурович многозначительно развёл руками:

– Контора. Идёт охота. Я давно этого ждал, много знаю. А у вас, я вижу, молодой человек, большое будущее...

– А вот тут написано: «утверждал, что знаком с Харламовым и Третьяком» – это хоккеисты наши, верно?

– Конечно. А я со всеми знаком. Мы с Володиёвым Высоцким дружили, я ему песни пел. Я же тоже пишу. Хотите, прочитаю?

– Ну, давайте, только немного.

– Я в весеннем лесу пил берёзовый сок...

2

Вечер не приносил облегчения. Жара, давно установившаяся в Москве, не спадала. Пахло гарью с шатурских торфяников. Из-за этого курить не хотелось, Виктор вдыхал дым по привычке, машинально. Перед ним на светофоре стояли машины. Его внимание привлёк высокий парень в старомодном открытом шлеме с круглыми очками, он пытался вкатить большой чёрный мотоцикл на бордюр. Они встретились взглядами. Виктор подошёл ближе.

– Поможете? Заглох и всё!

Они взялись вдвоём на руль и взгромозили аппарат на газон у дороги.

– Он если заглохнет, потом на горячую не заводится! Вот, теперь полчаса ждать надо...

– А что за мотоцикл такой интересный у вас?

– «Индиан», сорок седьмой год.

– Раритет!

– Ну, в каком-то роде... Иван.

– Виктор.

– А вы катаетесь?

– Да нет... Я подростком с Планеты упал, чуть не погиб, так что уже – нет. Хотя, такая техника нравится!

– А мы с ребятами по выходным на Днепр ездим по Минке, типа байкерская тусовка. Хотите – давайте с нами. Все падают когда-то, это нормально. Главное, об этом не думать

всё время!

– Можно попробовать.

Виктор записал телефон. Индиан перестал щёлкать остывающими цилиндрами. Иван с натугой крутанул кик-стартер, и мотоцикл басовито затарахтел.

– Четырёхтактный, красиво!

– Ну, счастливо, до встречи!

– До встречи!

Виктор пошёл к метро по мягкому, проминающемуся под кроссовками асфальту.

Евангелие от Ионы или Земляника в густой траве

1

Они ехали по Минской трассе. Витька с трудом умещался за Иваном на хоть и длинном, но рассчитанном на одного ездока сиденье. Индиан монотонно бурчал, мягко глотая неровности асфальта, сбиваясь с ритма, только когда Иван изредка переключал передачу рычагом справа от бензобака. Они нагоняли попутные мотоциклы – Уралы, Харлеи, Хонды-чопперы – байкеры двигались на запад. Спортбайки и стритфайтеры обгоняли слева и быстро исчезали впереди, где в фиолетовой дымке садилось красное солнце.

С Иваном поравнялся белый спортивный мотоцикл с красной надписью «R1». Им управляла девушка – это было понятно по облегающему белому комбинезону и тугой косе волос из-под шлема. Она приподнялась от обтекателя и коснулась перчаткой вытянутой навстречу руки Ивана, помахала ему и, прибавив газ, исчезла в мареве горячего воздуха.

2

Под Смоленском Днепр был совсем неширокий, петлял синей змейкой среди луговых трав. У воды уже разгорались костры, поодаль остывали запылённые мотоциклы. Девушка, повстречавшаяся на трассе, улыбаясь, подошла к Ивану.

Она ещё не сняла комбинезон, по которому струились распущенные чёрные волосы.

– Привет, улитка!

– Привет-привет! – отозвался Иван, вытряхивая из чехла сложенную палатку.

– Не развалился он ещё, Ваня? – она кивнула на чёрный Индиан, притаившийся в траве, словно огромный тигр перед прыжком.

– У него металла – две твоих Ямахи можно собрать!

Девушка бросила взгляд на Витьку, и он застыл, загипнотизированный. Вот эти карие глаза он видел в своём странном и прекрасном сне...

– Это Витя. Он на «Иже» даже когда-то катался!

– Маша. Ребята, подходите к нам, когда разберёте вещи.

Маша пошла по высокой траве в белом комбинезоне, как астронавт-первооткрыватель на дикой неизведанной планете.

– Я её с детства знаю. Хорошая девчонка... – Иван произнёс это спокойно и нейтрально, и Витька с облегчением понял, что они не пара. Он-то уже успел влюбиться в эти глаза из странных сновидений.

Поставив палатку рядом с мотоциклом, они подошли к костру. Маша успела переодеться – в джинсах и клетчатой рубашке она сидела у огня с кружкой чая между разгорячённых дорогой и уже выпитым алкоголем байкеров в проклёпанных потёртых косухах.

- ...я его вот так обгоняю, а здесь перед носом – ГАИ!...
- ...вилка там стандартная...
- ...клапана на Урале я сам регулировал...
- ...двадцать вэ пятьдесят харлеевское лью...

Маша протянула вперёд кружку, вокруг которой сомкнулись бутылки, стопки и фляжки так, что их разнородное содержимое соединилось в один коктейль:

– Сезон продолжается, ура!

Витька тоже стукнулся кружкой, Маша посмотрела на него, теперь подольше. «Не отводи взгляд!» – подумал он, а Маша, словно прочитав его мысли, улыбнулась и пошла к реке. Он пошёл следом. После жара костра тут было прохладно.

– Тебе здесь нравится?

– Да, очень!.. А ты где работаешь?

– Операционной медсестрой в Склифе.

– А я тоже – врач. Психиатр, правда, – Витька усмехнулся, закурил сигарету.

– Я хотела стать врачом. Не сложилось... А Ваня – в МЧС, спасатель. Видишь, мы втроём всех спасаем... – Маша подставила лицо ветру, её длинные волосы растрепались.

– Ты держись нас, Витя, – она вновь посмотрела в глаза, теперь как будто с грустью. Витька спрятал сигарету в кулак.

3

В палатке было холодно. Витька спал урывками, больше дремал, ворочаясь на жёстком каремате. В поле трещали ко-

ростели. И снова...

...Деревянные стены тянулись ввысь. Из окон наверху били лучи голубоватого света, неярко освещая анфиладу комнат, по которой Виктор шёл вперед. Под ногами поскрипывали тёмные доски. В последней комнате огромное окно от пола до потолка выходило на опушку леса. Сквозь необхватные золотистые стволы сосен блестела река. На столе искрилась солнечными зайчиками ваза с ромашками, лежало несколько круглых ракушек, маска для ныряния. К стеклу прижалась высохшая бабочка «павлиний глаз». Рядом с маской лежала старая книга в тёмно-синем переплете. Подойдя, Витька увидел, что цветы – живые и растут откуда-то снизу из-под стола, а ваза – декорация. Ракушки зашевелились на столе, выпустив розоватые язычки, расползлись в стороны. Бабочка размяла крылышки, и, покружив вокруг Витьки, вылетела в форточку. Он открыл книгу.

«На восходе Иисус вышел с учениками из Иерусалима. И когда прошли они день пути, Он сел на камень в пустыне, и, собрав учеников – Льва, Михаила, Иону, солдат, коих было четверо и священника, сказал им: «Теперь идём мы собирать тех, кто ищет Слово истины, чтобы научить их путям правды Отца моего. Говорите всем, что видели глазами и поняли сердцем. Не будет меня с вами, пока не встретимся в Иерусалиме в час, предначертанный Отцом, о котором и пророки не ведали, ибо никто, кроме Отца не может знать, что свершится по воле людей, идущих путём правды». И, взяв с со-

бой Иону, удалился Иисус в пустынные пределы и направил учеников на север, восток, юг и запад. Смущались они, потому что не было с ними Его, но исполнены были Духом и верой и пошли в леса, пещеры, горы, через реки и пустыни, через снег и песок созывать от края со всех пределов земных доброе стадо, и, в час, известный Отцу, вернулись в Иерусалим и встретились с Иисусом славить Бога и жить в любви и радости до скончания века».

4

Утром Витька чувствовал себя разбитым. Спустился к воде, умыл лицо. От воды пахло рдестом и рыбой. На удивление, его новые друзья были бодры и радостны. После чая пошли собирать землянику. В густой траве Витька её не видел, а Ваня и Маша часто наклонялись, то и дело отыскивая розово-белые ягоды.

– Ну, что у тебя?

– А ничего почти. Разучился собирать что ли...

– На, попробуй, – Маша пересыпала несколько ягод из кружки в ладонь.

Витька аккуратно брал их по одной из её тёплой руки, ему хотелось, чтобы они подольше стояли так, рядом, в высокой траве... Маша высыпала в рот остатки земляники.

– Пойдём в лагерь, – она улыбнулась. – А у тебя пальцы табаком пахнут.

5

Пора было собираться домой.

– Мне не понравилось, как мы с тобой ютились вдвоём на этой сидушке, тесно... – Ваня похлопал по подпружиненному кожаному седлу Индиан. – Маша, возьми его?

Витька не верил своему счастью. Маша вновь в белом комбинезоне и шлеме завела Ямаху. Ваня подал Витьке второй шлем:

– Увидимся в Москве!

Витька сел сзади, осторожно обхватил Машу за талию, и они помчались по трассе, ловко маневрируя в потоке среди как будто остановившихся машин и фур. На скорости время замирало. Виктор старался помогать Маше в поворотах, когда мотоцикл ложился на бок – тоже наклоняясь то влево, то вправо. Вскоре Маша сбросила газ, они остановились на обочине. Она сняла шлем. На раскрасневшееся лицо падали выбившиеся из косы пряди чёрных волос.

– Не помогай мне, так хуже. Ты – пассажир. Просто держись за меня и всё. Я управляю и рассчитываю. Хорошо?

Витька крепче обнял Машу, стараясь держаться прямо. Они неслись под однотонный вой байка, глотая бесконечную серую ленту асфальта, как будто парили на месте в космическом корабле. На съезде в Ясенево Витька очнулся от забытья. Маша остановилась у его дома, заглушила мотор.

– Спасибо! Извини, я ведь на таких не катался.

– Всё нормально.

– А тебе куда теперь?

– На «Юго-Западную».

– Мы ещё увидимся?

– Конечно, звони! Пока!

– Пока! Ещё раз – спасибо!..

Маша рванула вперёд, и через секунду ничто уже не напоминало здесь о ней – только Ванин старинный шлем в руках и головокружение от скорости. Что это было – мираж, ангел?..

Бесконечное озеро

1

Он стоял у окна, думал, думал, вспоминал. Эти глаза, волосы на ветру, овал лица – как во сне, там, у реки на опушке вечного леса... Прокручивал в голове её фразы, их было так немного... «Привет, улитка...», «мы всех спасаем...», «у тебя пальцы табаком пахнут...»

Работалось трудно. На второй день он не выдержал и с замиранием сердца позвонил. Куда её пригласить? В ресторан – так банально! В театр? Тоже сомнительно, натянуто... Может, просто поехать на пикник...

– Маша, ну, теперь моя очередь, предлагаю поход по моим заповедным местам... Я знаю одно озеро, мы в институте туда ездили, давно... Там очень красиво. Погуляем... Ты как, в следующие выходные?

– Я могу. Только ребятам скажу, что меня не будет.

– Мотоцикл тебе не понадобится, у меня машина.

– О, здорово! Какая?

– Увидишь!

2

После того, как Витьку перевели в палату из реанимации, к нему часто приходила Танюха. Она садилась рядом на стул и молчала. От неё пахло той, иной, здоровой жизнью, где люди продолжали ездить в метро, ходить на работу, спешить

в магазины, пока он лежал отшельником в больнице. Говорить было не о чем, но, всё-таки, он испытывал к ней благодарность и симпатию. После выписки, когда он гулял во дворе, они часто сидели на лавочке в тени отцветшей сирени рядом с детской площадкой. Он курил, она молчала. Иногда она изучающе смотрела ему в глаза, словно привыкая к его новому странному взгляду с чуть расширенными зрачками – так стало после аварии...

А потом... Через два года Витька поступил в медицинский, а Танюха – в педагогический. На третьем курсе они поженились. Жизнь шла по накатанной колее, только денег постоянно не хватало. Ей нравилось море, а ему – старая деревянная дача рядом с речкой, где он часто вспоминал по ночам детство, сидя на траве на опушке соснового бора. Сквозь чёрные иглы мерцали звёзды, и как будто вдалеке играла тихая музыка, похожая на звуки маленького электронного органчика. Любил ли он Таню? Виктор не мог ответить на этот вопрос, но когда он, спустя три года, вновь был задан, ответил утвердительно.

– Ты меня любишь?

– Конечно, что за вопросы?

– Я ухожу.

– Чего?! Ты что, сдурела?!

Последнее время они не стеснялись в выражениях... Однако, Виктор не мог представить себе, что Танюха может уйти.

Она ушла, он остался один в старой родительской квартире у кольцевой. Отец с матерью давно жили на даче. Танюха куда-то переехала, он больше не встречал её в магазине, на остановке, во дворе... Чего-то он ей не додал – какой-то конкретки в их общем будущем, в деньгах, может, и в любви. Она хотела автомобиль, и он, поднапрягшись, взял красное подержанное купе... Но было уже поздно.

3

Витька с трудом накачал шины старой «трёшки» БМВ. Он почти не ездил на машине – давно охладел, и БМВ вращалась в асфальт в дальнем углу двора. В рюкзак он положил бутерброды в пластмассовом контейнере и термос с чаем. В два он был на «Юго-Западной». Он не заметил, как Маша выпорхнула из подъезда, и вздрогнул, когда она открыла дверь и села рядом.

– Привет! Почти не опоздала! – её карие глаза излучали тепло и спокойствие. – Ты что такой?

– Я? Ничего, давно не ездил, – Витька улыбнулся, постукал по рулю.

На автостраде он хорошо надавил на газ, и старушка БМВ пошла в разгон.

– Сбавь, скорость, Витя!

– А что? С тебя пример беру! – Витька повернулся к Маше, но осёкся, увидев её напряженное серьезное лицо.

– Я – другое дело. А тебе нельзя.

Витьке не хотелось спорить, и он просто сбросил скорость

и перестроился в правый ряд.

– Прости. Я тебе потом объясню. Это мои заморочки...

Они свернули на узкое шоссе. Справа показались песчаные барханы, между которыми внизу в зарослях тростника блестела круглая чаша затопленного карьера. По воде шла мелкая рябь.

Витька поставил машину у воды под молодыми ивами. Столько лет прошло... Когда-то они жгли здесь костры с мединститутскими ребятами, ели уху из закопчённого котелка, пели под гитару песни. Кострища давно заросли травой, все песни спелись – когда он последний раз играл на гитаре? Забыл... Да и ребят тех давно простыл след... От воды ветром донесло запах тростников, водорослей-ёлочек, свежей рыбы. Когда-то на школьных каникулах он ездил к деду на юг – там тоже была глубокая синяя волна, гнущиеся на тёплом ветру гривы озёрных трав, блестящие на солнце выпрыгивающие круглые подлещики, степная даль в дымке разгорающегося летнего дня... Старые запахи всегда рождали в мозге и душе машину времени...

Маша ловко перепрыгнула с песчаной отмели на лежащую у берега тракторную крышку, попробовала рукой воду.

– Тёплая! Искупаться бы...

– А у тебя купальник есть?

– Есть! – Маша прищурилась и показала Витьке язык.

– Я пас. Ничего не взял.

Маша, сложив впереди руки, нырнула в воду. Витька сел на траву, закурил. Украдкой смотрел, как Маша плавает в прозрачной глубине, любовался её крепким стройным телом.

– Дай сигарету.

Витька вздрогнул. Рядом с ним стояли два парня в спортивных костюмах. Чуть дальше в тростниках блестела крыша чёрной «десятки». Как он её не увидел? Они же были здесь с Машей абсолютно одни...

– Жених вещи сторожит, а невеста одна плавает, скучает. Составим девушке компанию?

Ну, понеслась... Сердце забилося сильнее, с перебоями. Придётся с обоими драться...

– А мы и жениха искупаем, да?

– Давай, иди отсюда...

– Да ты чё? Тебе никто не грубил...

В тот момент, когда Витька с парнем схватили друг друга за одежду, раздался резкий гудок. Обернувшись, Витька увидел Ваню. В своей всегдашней чёрной косухе он слез с мотоцикла. В руке у него был обрез двустволки.

– Всем разойтись!

Пока эти двое прикидывали, что делать дальше, оценивая диспозицию, Ваня выстрелил вбок из обреза и направил на них стволы.

– Тут ещё один патрон. Выбирайте, кто кого повезёт домой в багажнике.

Хватка ослабла. Ваня отступил к Маше, стоявшей в тени ивы. Парни пошли к машине. Подняв столб песчаной пыли, «десятка» выбралась за гребень карьера и пропала. Ваня бросил обрез в тростники. Маша дрожала то ли от холода, то ли от страха. Витька стащил футболку и начал растирать её прохладные, в мурашках, спину и плечи, пахнущие кувшинками.

– Вот так вот, ребята... – Ваня произнёс это, словно последнюю фразу в доказательстве сложной математической теоремы.

Маша с тревогой смотрела на него.

– Как ты нас нашёл? – Витька попробовал закурить, но от мокрых пальцев отсырел кремень зажигалки. – Я уж приготовился применить отцовские навыки самбо...

– Это бы не помогло, – Ваня осматривал склоны карьера, будто искал ещё каких-то затаившихся в песчаных барханах врагов.

Возвращение домой

1

На берегу тихо потрескивал костёр. Дым стелился над водой, смешиваясь с туманом, сползавшим вниз со склонов. Бутерброды были съедены, Витка нацедил из термоса последнюю кружку чая и подал Маше. Ваня, сложив ноги по-турецки, с прямой спиной смотрел сквозь огонь на тихую гладь озера.

– Ты похож на индейского вождя, Ваня.

– Он похож, знаешь на кого – на рыцаря из «Седьмой печати», – Маша игриво посмотрела на них обоих.

– Хорошо, хоть ты, наконец, улыбаешься! Пусть я и не знаю, о чём ты...

– Ладно, ребята, – Ваня как бы очнулся от своих мыслей.

– Надо поговорить.

Маша немного нервно встала от костра и подошла к урезу воды. Тихо шелестели тростники.

– В общем, дело такое, Витя... – Ваня поворошил палкой искрящие угли. – Две недели назад, помнишь, что был за день, когда мы с тобой познакомились?

– Не знаю... нет, не помню.

– А ты вспомни.

– Это был день... пятнадцать лет назад меня выписали из больницы после той аварии с мотоциклом...

– Правильно. Кто был на том мотоцикле?

– Я и Женька Николаев, это его Планета была.

– Там был Женька и ещё там был Витька Виноградов.

Женька погиб сразу, а Витька – потом, в реанимации. Ничего сейчас не говори... Тебя зовут не Витька, а Илья, понял? Теперь слушай. Ты же видишь этот сон, один и тот же – дом, лес, река, друзья твои – это же мы, ты сразу ведь нас узнал...

Витька вдруг очень ярко снова увидел перед собой эту знакомую картину: берег реки, цветущий луг на той стороне... Он понял, что Ваня как-то специально сейчас помогает ему вспомнить.

– Так вот, мы действительно твои друзья – я и Маша, и ты наш старый добрый друг Илья. Мы живём не здесь, очень далеко... Ты поймёшь всё сам, потом, пока просто поверь. Витька умер, ему нельзя было помочь. Он был очень похож на тебя, как близнец. Вон там, – Иван показал куда-то на линию неба и барханов, – сейчас не видно, там мы живём.

2

– На Земле это место называют созвездием Ориона. Его легко отыскать по трём ярким звёздам, составляющим «пояс Ориона» – дельта, эпсилон и дзета. Выше расположена «рука» с самой большой звездой – красной альфой Бетельгейзе, а внизу – чуть менее яркая бело-голубая Ригель, «нога Ориона». Это наше Солнце – голубой сверхгигант, три звезды вокруг одной. Раньше мы называли его Осирис...

– А теперь – Податель. Мне это имя больше нравится, –

добавила Маша.

– Да, мне тоже... Семь миллионов лет назад из глубин дальнего космоса, мы точно не знаем пока, откуда, явилась планета, её движение было перехвачено притяжением Ригеля. Мы также не знаем, была ли там уже жизнь, но, как и на Земле, сто тысяч лет назад на ней появились первые люди. То, что вы подразумеваете под эволюцией, там прошло гораздо быстрее.

– Как называется ваша планета? – Илья не мигая, глядел в затухающий костёр, где в мерцающей золе возникали вспышки звёзд и огненные трассы комет и метеоритов.

– Земля Неба, – как тихое эхо Илья услышал голос Маши. Она так и стояла к нему спиной у потонувших в ночи шуршащих тростников.

– Чтобы было проще – раз вы именуете это скопление звёзд Орионом, пусть будет – Эос. Это отсюда довольно далеко, восемьсот шестьдесят световых лет, – Ваня продолжил. – Теперь, чтобы тебе лучше понять, что было дальше, мы перенесёмся в другое место. Альфа Ориона – красный двойной сверхгигант Бетельгейзе. Он поближе к Земле – шестьсот сорок световых лет. Рядом с ним, в девяти световых часах находится древняя планета, не отступая от мифа, назовём её Артемидой. Несмотря на близость огромной звезды, там есть жизнь, вернее, была жизнь. Плотная атмосфера Артемиды защищала её от излучения и газовых выбросов Бетельгейзе, хотя они постоянно вызывали долговременные пыле-

вые бури и формировали массивные фронты пылевых облаков...

– Подожди, боюсь, я немного запутался... – Илья потёр пальцами виски, и, достав из костра тлеющую веточку, прикурил последнюю сигарету. – То есть, там, откуда вы... откуда мы, хорошо... там, на Эосе такие же люди, как и здесь?

– Как видишь. Однако наша история две с половиной тысячи лет назад пошла по иному пути.

– Ты веришь в Бога, Илюша? – спросила Маша, почти всю беседу до того задумчиво молчавшая. Она села рядом.

– Да, я верю, – Илья достал из-под футболки маленький жестяной крестик на верёвочке.

– Видишь как... – Ваня бережно взял в ладонь крестик, покачал, будто взвешивая. – Христос приходил сюда две тысячи лет назад, и люди его распяли. Пророчества исполнились... но человек свободен, он сам волен выбирать путь... у нас на Земле мы попытались понять ещё тогда. Мне кажется, у нас получилось... Земля Неба... Мы пошли за Учителем. Рая на земле не построили, но... Там нет зла, – Ваня ещё раз махнул рукой в сторону линии неба над дюнами.

3

– Там было зло, – тихо сказала Маша. Она сидела, обхватив руками колени и немного покачиваясь.

– Да, когда-то зло проникло и туда... Надо вернуться к истории про планету Артемиду. Как я сказал, она находится в опасной близости от Бетельгейзе, но там была жизнь!

Когда красный сверхгигант взорвался, родив сверхновую, у жителей планеты оставалось совсем мало времени, чтобы попытаться покинуть её – достигнув Артемиды, излучение вспышки звезды уничтожило бы на ней всё живое.

Там люди выбрали зло. Здесь, на этой земле, зёрна добра упали в бурьян, но сумели хоть чуточку прорасти, там они легли на камень... Артемида была населена людьми, как бы это объяснить... – людьми с чёрными душами. Им неведомы были милосердие, радость, любовь, кротость... Они мучили друг друга и сами мучились от злобы, зависти, гордости... Это было в восемьдесят шестом году, когда здесь у вас рванула Чернобыльская АЭС. Миллионы таких АЭС взорвались тогда в девяти часах от Артемиды. Жители планеты узнали о вспышке сверхновой почти сразу – у них была система сторожевых спутников на расстоянии примерно одного светового часа друг от друга, по которой передавалась информация о состоянии Бетельгейзе посредством мысленного импульса. В своё время выяснилось, что скорость мысли измерить нельзя – она и не мала и не велика – мгновенна. На спутниках жили приговорённые к пожизненному заключению. При превышении активности излучения звезды, активировался чип в мозге первого стража, подающий электроимпульс – возникала нестерпимая боль, которую можно было снять, только подсоединившись к передатчику мысли. И так по цепочке: следующий страж получал сигнал первого и обязан был передать импульс дальше, чтобы избежать муче-

ний. На каждом спутнике работала пара заключённых, они по очереди спали в криосне по пять лет, и пока система работала исправно...

Несколько лет понадобилось черноруким (они называли себя так, потому что всё, к чему они прикасались как цивилизация, обращалось, в конечном счёте, в тлен и чёрную сажу небытия), чтобы выдумать подобие гигантской «кротовой норы», через которую они смогли бы эвакуироваться с Артемиды. Они активировали её, получив сигнал о взрыве. Вариантов перехода было немного, точнее, всего один – наша Земля Неба, Эос, в трёхстах световых годах. Но злоба черноруких и обида за выпавшую им судьбу были настолько сильны, что перевесили страх и инстинкт самосохранения – их десант не собирался жить на Эосе, они отправились к нам с одной целью – уничтожить планету и себя вместе с ней.

Весной тысяча девятьсот девяносто первого года по вашему летоисчислению голубое небо Эоса почернело от тысяч транспортных кораблей и боевых челноков с Артемиды. Они, как камикадзе, несли на себе ядерные ракеты и бомбы, готовые взорваться вместе с этим грузом. Их целью был город Иерусалим – единственный мегаполис на Эосе, в котором жили все люди планеты.

Спешно был выставлен защитный энергетический щит – излучатели хранились со времен обильных метеоритных дождей первых веков нашей эры. Щит замедлил движение кораблей на время, пока старейшины города проводили эвакуа-

ацию людей в безопасный оазис – аммонитовый атолл в Розовом Океане. Были собраны все грузовые вертолётЫ Иерусалима. Поскольку мест не хватало, решено было посадить только детей и малое количество взрослых сопровождающих, а также взять необходимые запасы провианта и оборудования. Как только последний вертолёт покинул Иерусалим, щит был прорван, и чёрный флот упал с неба на город, испепелив его вместе с жителями дотла. В это же время шквал гамма-излучения накрыл Артемиду – сверкающий безжизненный базальт в невыносимом свете сверхновой звезды.

Аммонитовый атолл или Святые планеты Земля

1

– Ты помнишь, как мы играли на аммонитовом атолле? – спросила Маша.

Перед Ильёй вновь как наяву возникла череда непонятных тревожащих и волнующих картин. Маша показывала ему их дом: огромный залив с прозрачно-розовой водой, окружённый бело-голубым с зеленоватым отливом песком, загорелых ребят и девушку, играющих на мелководе «в тарелку» – перебрасывающих друг другу широкий полосатый бело-оранжевый диск живого аммонита, который, шлёпаясь в розовую воду, бойко выныривал и снова прыгал в руки играющих, издавая тонкий скрипучий звук...

На закате, когда Ригель менял угол освещения, и воды атолла становились фиолетовыми с золотыми мерцающими прожилками отражённого света, ребята оказывались в густом лесу, росшем за склонами залива. Струны изумрудной травы звенели росой, которая, собираясь капиллярами хрустальных ручьёв, с журчанием вливалась в извилистую речку с жёлтыми глазами кувшинок среди густых оливковых волос рдеста.

Илья набирал полные ладони прохладной воды, пахнувшей

свежим белым корнем аира и железом, и пил, пил...

На той стороне цвёл луг, там были малиновые крупные цветы и голубая трава, уходящая вдаль, туда, где Ригель показывал свой край, опалесцирующий лазурным перламутром плазмы звёздного ветра. Земля Неба... я понял, Маша... я понял...

2

Ваня пошевелился у почти погасшего костра.

– Наши родители погибли тогда во время атаки с Артемиды. Все спасённые дети Иерусалима были усыновлены немногими взрослыми из сопровождения – они стали нашими приёмными родителями и воспитателями... Нас троих усыновил пилот грузового вертолёта Фома.

– Дядя Фома... – прошептала Маша.

– Мы всегда были вместе, втроём, прошлой жизни мы не помнили. Видимо, сильно было потрясение после катастрофы. Мы не помним наших родителей... потом мы жили в высоком деревянном доме на опушке леса у реки.

– А что было потом? – спросил Илья. Он был настолько потрясён услышанным, что уже ничему не удивлялся. – Почему я оказался здесь, почему ничего не помню?

– Мы освоились на аммонитовом атолле. Как ты видел, там были и живые аммониты, и трилобиты, и динозавры, и самые прекрасные птицы, рыбы и ручные звери с мягкой шерстью. Красивые добрые люди окружали нас, мы выучились разным наукам, мы выросли среди голубых песков и

высоких лесов на берегах Розового Океана... У нас ни в чём не было и нет нужды. Мы живём в ладу с Богом и совестью. Но мы не бессмертны, хоть бремя греха не давит на нас так, как на людей – здесь... Нескоро, но мы тоже умрём...

Нам удалось спасти из пепла Иерусалима накопленные знания о нашей вселенной. Наши астрономы смогли заглянуть в глубины космоса и открыть эту Землю и ещё многие обитаемые планеты. Сначала мы, как и люди – здесь, развивали строительство ракетных кораблей, но потом, осознав бесперспективность дальних полётов на них, перешли на поиск «кротовых нор». Правда, вскоре мы поняли, что те искривления пространства-времени, что удалось отыскать, в ничтожно малом количестве случаев подходят для каких-либо целенаправленных перемещений: то они вели в пустынные области космоса, где не было возможности хоть как-то определить координаты, то имели большую хронологическую разницу на концах, являясь, по сути, машинами времени. Были мерцающие «кротовые норы», возникающие на столь короткое время, что при движении сквозь них с около-световой скоростью успевали схлопываться раньше... Глобальное изучение таких природных «кротовин» привело к ряду несчастных случаев: несколько экспедиций пропали без вести, скорее всего, переместившись через искривление пространства без обратного входа, ещё две вернулись с командами из глубоких стариков, попав во временной перепад. Последний исчезнувший экипаж транспространственного ко-

рабля по подсчётам, которые наши учёные смогли произвести позже, вернётся через двести сорок три года.

Тогда мы начали разрабатывать управляемые перемещения через рукотворные «норы», так называемые «порталы». – Ваня перевёл дух, зачерпнул в кружку воды прямо из карьера и выпил. – Не буду обременять тебя, Илья, многими теориями и объяснениями, как это работает, но наши астрофизики смогли создать механизмы формирования таких порталов – устойчивых во времени и безопасных.

Малые порталы для путешествий на расстояния до двенадцати световых часов мы можем создавать хоть сейчас – Ваня достал из рюкзака небольшой прибор размером с пульт от телевизора. – Вот, с помощью этой штучки, назовём её «преобразователем», мы все вместе можем свободно перемещаться в пределах этой Солнечной системы. Покрутив преобразователь в руках, Иван убрал его обратно в рюкзак. – Чтобы попасть в отдалённые области на расстояния в сотни световых лет, создаются большие порталы с помощью специального стационарного оборудования. Они требуют колоссального количества энергии, поэтому стабильны только десять земных секунд и могут формироваться один раз в пятнадцать лет, причём их нужно два – чтобы попасть в нужную точку и потом вернуться обратно.

3

– А причём здесь я? И Витка Виноградов? – беспомощно оглядев своих новых друзей, спросил Илья.

– У каждого из нас есть... – Иван попытался подобрать нужное слово, – ну, как бы двойник. Где он появится, на какой планете, под каким солнцем – нам это неизвестно. Этот человек во всём похож на тебя – и внешне, и характером, и наклонностями... Когда мы исследовали Землю, а мы её изучили достаточно хорошо, мы узнали, что твой двойник, Илья, живёт на Земле, и по времени, то есть возрасту, полностью совпадает с тобой.

– Это было большим открытием для нас, – вступила в разговор Маша. – И ты сам вызвался. Ты ведь был из нас лучшим... и сейчас – есть...

– Куда я вызвался? – обреченно спросил Илья, хотя реплика Маши его воодушевила.

– На Эосе, Земле Неба мы много изучали из наследия наших предков, здесь это носит понятие религии, – отозвался Иван. – Мы постигаем историю евангельских событий на нашей планете, путь молитвы, учимся пониманию своего места в мире и открываем новые миры – вот наши занятия. Мы понимаем, что нам – я имею ввиду наше поколение – очень повезло, если это слово применимо в данном контексте... Возлюбить Бога и ближнего сложно, но нам было проще это исполнить, чем землянам здесь, где они своими руками распяли Иисуса, выбрав путь человеческой жертвы для собственного спасения – так решил Бог... Но выбор был за людьми.

– Это сложно тебе сейчас, Илюша, – сказала Маша.

– Ничего, я попробую...

– Мы хотели понять, можно ли вам... прости, я сейчас говорю о тебе, как о Вите Виноградове, – сказал Ваня, – можно ли вам спастись, может ли ваша природа принять свет божественной благодати.

– Но наше учение, если брать христианское богословие, об этом и говорит.

– Безусловно, но какова цена и усилия? Насколько это сложнее человеку, родившемуся здесь, на этой грешной земле? Насколько это сложнее, чем нам? Было решено отправить тебя на Землю. Тебя – лучшего из нас по добродетелям. Как ты сможешь сохранить себя на Земле, не растеряешь ли дара спасения...

– То есть, это был эксперимент? Я подменил Витьку?

– Ты сам вызвался. Нам было по пятнадцать. Как и Витьке – здесь.

– Вы знали, что он умрёт?

– Мы знали... Ну, ладно тебе, и ты знал!

– Его нельзя было спасти?

– Мы не Бог и не ангелы...

4

Когда Витьку привезли в реанимацию, он почти сразу умер.

Каталка гремела по кафелю – правое переднее колесо крутилось вокруг оси, цепляясь за углы коридоров Склифа. Витьку подключили к аппарату искусственной вентиляции лёгких.

Когда дежурный реаниматолог Кравченко закончил оформлять историю болезни, была глухая ночь. В коридоре щёлкала и мигала холодным лунным светом газовая лампа. «Опять стартёр накрылся» – подумал Кравченко, рассеянно пошарив в нагрудном кармане грязного халата и достав из полупустой мятой пачки «Союза-Аполлона» такую же мятую сморщенную сигарету. Из темноты бокса донёсся электрический треск, и как будто хлопнуло окно на сквозняке. Собравшийся уже выйти на улицу подышать чуть остывшим к ночи воздухом, Кравченко заглянул внутрь. Всё так же ритмично гудел аппарат, горел монитор. Больной Виноградов лежал на кровати, погружённый в медикаментозный сон. Окно действительно было открыто.

«Да что за бардак сегодня...» – доктор стряхнул пепел в окно и с лязгом закрыл раму. Снизу послышался шум ломающихся кустов сирени. Внезапно снова раздался треск статического электричества, по аппаратуре пробежали вспышки голубого огня, запахло озоном. Вокруг головы Кравченко закружилась шаровая молния, словно раздумывая, куда ей двигаться дальше, и резко ушла в моргающую коридорную лампу. Пустив сноп искр с потолка, лампа погасла.

«Утром вызову электриков» – решил Кравченко, бросил окурки в пустую банку из-под консервированных помидоров и пошёл спать.

– Надо было развести вас на максимально большое расстояние. Двойники не могут находиться вблизи друг друга, даже если один из них мёртв... Начинаются всяческие пространственные искривления, электромагнитные аномалии... обычно в виде шаровых молний.

– Так где Витька?

– На Марсе. С ним там все о'кей...

Илья тупо смотрел на догоревшие угли костра.

– А где ваши двойники?

– Мой жил как раз на Марсе, тысячу лет назад. Был военным лётчиком... Его звали Рамезес.

– А у Маши?

– Пока точно неизвестно. Её «сестра» ещё не родилась...

– Ну, допустим. В девяносто пятом году вы (мы) начали эксперимент. Есть какие-то выводы? Остался ли я тем же по здешним земным меркам святым или откатился назад?

– Мы, конечно, следили за тобой, уж как могли, так как ты по понятным причинам ничего не помнил о жизни на Эосе – твоя память была заблокирована на эти воспоминания, и нам пришлось нелегко, это была хрупкая мысленная связь, неверная... Мы рассчитываем на дальнейшее изучение этого вопроса по возвращении домой. Прошло пятнадцать лет, – Ваня посмотрел на Машу, – теперь ты понимаешь, почему мы здесь. Портал в обратный путь скоро будет снова открыт. На Эосе ты вспомнишь всё о себе и о том, что ты делал и кем был эти годы, а прежнюю жизнь Вити Виноградова забудешь.

Нам попытаются помешать. Сегодня это было в первый раз.

– Эти гопники-хулиганы?

– Да. Но это не хулиганы. Кое-кто похуже и посильнее...

– Чернорукие с Артемиды?

– Нет, они погибли тогда, в атаке на Иерусалим. В этом мире, как ты знаешь, есть силы добра и силы зла. Вот это – силы зла.

– А я тут причём?

– Похоже, что ты всё-таки остался хорошим человеком, – Ваня улыбнулся. – И даже в этой нечеловеческой земной юдоли можно прожить жизнь и попасть в рай. Это тяжело, и уж стократ тяжелее стать святым. Святые планеты Земля – вот истинные подвижники, герои, победившие гнёт греха, которым напитан здесь каждый атом. Но ты не святой. Только вот злу совсем невыгодно, чтобы кто-то ещё во Вселенной знал, что здесь есть путь спасения, что у добра нет преград в любых условиях и любых мирах.

– А ружьё ты где взял?

– Да не было никакого ружья... Ружьём их не остановить. Просто они увидели, что нас стало двое против них – двоих, и решили не рисковать. Прости, ты для них не в счёт.

– Давайте спать, – Маша выглядела устало, даже в темноте была видна бледность её лица.

– Ложись в машине, а мы тут, – распорядился Ваня.

Илья помог Маше пробраться на заднее сиденье трёхдверной БМВ. Она свернулась калачиком, поджав ноги. Её хоте-

лось обнять и согреть.

– Спокойной ночи, до завтра.

6

Ваня с Ильёй лежали у остывшего костра. Закинув руки за голову, Илья смотрел в звёздное небо.

– Я и не знаю, что это за звёзды, созвездия... вот только – Большая Медведица, Кассиопея... вон, по-моему, Северная Корона...

– Маша любит тебя.

Илья замер, у него онемели губы, и застучало сердце.

– Давно?... – зачем он это спросил...

– Давно. Ей тяжело было отпустить тебя. Пятнадцать лет... Она приехала за тобой.

Резко зазвонил телефон в кармане.

– Алло, мама?

– Витя, ты ещё не дома? Уже поздно!

– Мам, мы с палатками остаться решили, всё в порядке, отдыхаем.

– Обязательно позвони нам, как вернешься!

...Орион остановил уставшего коня. След оленя потерялся в подстилке кедрового леса. Это был хороший крупный олень, они гнались за ним долго, но он весь день уходил, петляя среди деревьев, не давая охотникам сократить дистанцию.

Артемида наклонилась в седле, дотронулась рукой до лесной травы.

– Подождём, когда взойдёт Луна. Тогда я смогу увидеть след, и мы настигнем зверя.

– Нет, мы двинемся дальше. Олень выйдет к воде, там ему некуда будет бежать.

Впереди за опушкой леса в мареве заходящего дня блеснули скалы Крита, за которыми расстилалась морская гладь. Орион торопился. Сегодня в кипарисовой роще он видел ослепительную Эос в розовых одеждах, она улыбнулась ему и указала место встречи – на берегу моря у падающей скалы. Он спешил туда, надо было успеть до захода Солнца, а оно уже касалось деревьев на утёсах дальних гор.

– Останься до восхода Луны, Орион! – звонко повторила Артемиды в безмолвии притихшего леса.

Она держалась в седле прямо и величественно, в облегающих крепкое тело кожаных доспехах, отороченных мехом горного волка. В её короткие чёрные волосы было вплетено пятнистое перо ночной совы. Орион забросил за спину лук и повернул коня в галоп.

– Орион! – в голосе Артемиды прозвучало отчаянье и решимость, и он всё-таки остановился вдалеке и повернулся на зов.

Артемиды была на том же месте. Натянута тетива лука дрожала у её правого уха, а на Ориона был направлен острый базальтовый наконечник стрелы. Он хотел рвануть вперёд, ударив коня по бокам, но понял, что не успеет.

– Я люблю тебя, охотник! – крикнула Артемиды.

Сухо щёлкнула тетива, и Орион свалился на землю. Его грудь была пробита насквозь чёрной стрелой с оперением из крыла ворона.

Взошла Луна. Артемида сидела рядом с телом Ориона, положив на скрещенные ноги длинный лук. Мерцающие в траве светлячки зароились вокруг убитого, и, повторяя его облик, поднялись вверх, застыв над горизонтом в форме вечно бегущей фигуры охотника, которому никогда не догнать резвого оленя из кедрового леса.

Вечный воин

1

Утром хотелось пить. По примеру Ивана, Илья зачерпнул кружкой озёрной воды, выпил, умыл лицо. Казалось, вчерашний разговор – диковинный сон, сказка на ночь. И только Ванины слова про Машу просились быть правдой, явью.

– Покажите мне Витю.

Ваня и Маша переглянулись. Иван достал из рюкзака преобразователь. Наведя его в сторону от воды, он нажал кнопку.

Поначалу никакой перемены не произошло, но незаметно кусок песчаного бархана и небо над ним начали приобретать подобие сферы-линзы, как вогнутое прозрачное стекло. Ребята взялись за руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.